

и старается снять съ него пятно, которое на этотъ вѣкъ наброшено польской литературной критикой. Пр. Тарновскій, однако, не соглашается съ его выводами и говоритъ, что новыя открытія увеличатъ количественно эту литературу, но сколько ни дѣлають открытій, въ нихъ мы не видимъ ничего такого, чтобы могло поставить эти вновь открытыя произведенія выше извѣстныхъ уже стихотвореній Коховскаго и Морштына.

Третій томъ—XVIII ст., начинается очень пессимистически настроенною характеристикою политическаго и умственнаго положенія Польши въ началѣ столѣтія. Польша къ этому времени уже пришла къ окончательному своему разложенію и то въ моментъ, когда въ Россіи явился человѣкъ, воплотившій въ себѣ идеаль абсолютной власти и несомнѣнный геній.

Въ началѣ столѣтія Польша представляла печальныя, глупыя и дикіе остатки народа нѣкогда благороднаго и сильнаго, не сознающіе даже своего униженія, живущіе изо дня въ день, безъ политической мысли, безъ науки, безъ труда; это—разбросанныя развалины блестящаго нѣкогда зданія, сборище частныхъ интересовъ, ничѣмъ не соединенныхъ и не сдерживаемыхъ, создавшихъ для успокоенія совѣсти, великую аксіому—*polska niezadem stoi*. Тогдашняя Польша представляетъ собою подобіе пьяницы, который потерявъ въ себѣ человѣческое достоинство, и изъ боязни, чтобы оно въ немъ не отыскалось и не мучило своими угрызениями, опять напирается.

Такъ начиналось это столѣтіе, но оно закончилось, какъ одна изъ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ цивилизованныхъ эпохъ. вмѣсто литературы одичавшей появляются произведенія, въ которыхъ содержанію соотвѣтствуетъ прекрасная форма; публичное образованіе устроено лучше, чѣмъ въ большей части Европы, и дѣйствуетъ хорошо; вмѣсто шляхтича, срывающаго сеймы и распускающаго поясъ, появляются—Нѣмцевичъ, Выбицкій, Коллонтай—рядомъ съ ними новыя типы, неизвѣстные, и впервые теперь появляющіеся—Стапиць, философъ, ученый политикъ, вышедшій изъ сословія, которое до этого времени политически еще не жило, Килинскій первый типъ изъ простаго народа. Зло, конечно, еще осталось, оно не исчезаетъ такъ скоро, и «отравленный духъ народа» требуетъ еще много времени, пока освободится отъ этого яда и его послѣдствій; но прогрессъ уже былъ большой, глубокій, захватывающій всѣ слои народа и всѣ проявленія его жизни.

Четвертый и пятый томы посвящены польской литературѣ пер-